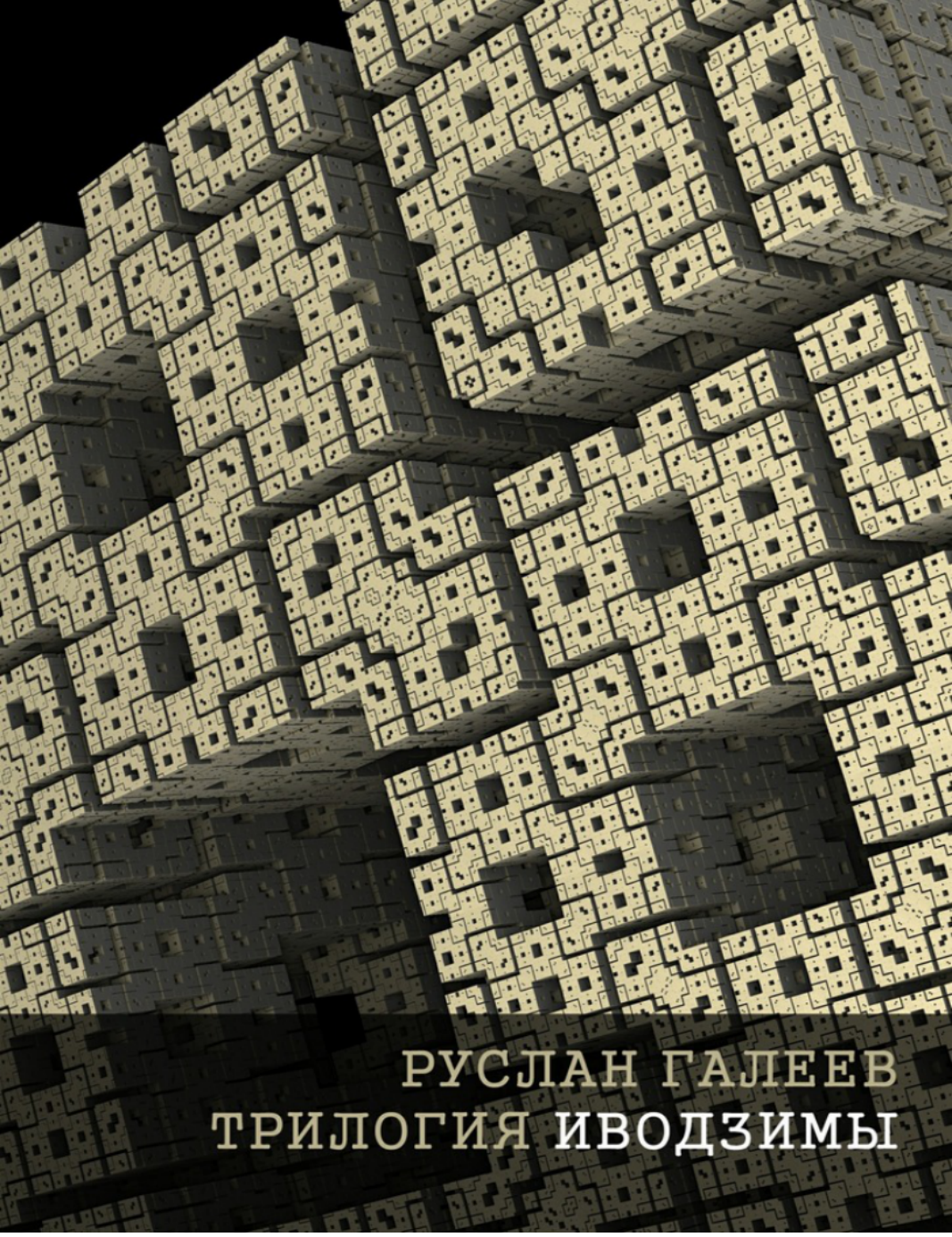

РУСЛАН ГАЛЕЕВ

ТРИЛОГИЯ ИВОДЗИМЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Все части трилогии Иводзимы объединены временем и местом действия: далекое будущее, искусственная планета Иводзима. Героям предстоит осознать собственное настоящее через коллективное прошлое человечества. И прежде всего через тот багаж, который, покинув материнскую Землю, люди забрали с собой. Это и коррумпированность власти, но и любовь к ближнему. Жестокое право сильного, но и готовность к самопожертвованию ради слабого. Ненависть к себе подобным и жизнь во имя себе подобных.

- Трилогия Иводзимы
  -
  - I Все вечеринки вчерашнего дня
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
  - Конец ознакомительного фрагмента.

Трилогия Иводзимы
Руслан Галеев

© Руслан Галеев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I Все вечеринки вчерашнего дня

«… и кто не был записан в книге жизни,
тот был брошен в озеро огненное…»

Откровение Иоанна Богослова, 20:15

1
Шанти

Она взяла за правило завтракать в небольшом баре с видом на Барабан. Не потому, что нравилось. Меню здесь ограничивалось списком из 15 блюд, да еще тремя вариантами кофе: американо, двойной американо, и американо супер в пол-литровой кружке. В то время, как каждое из двух меню того же «Гуми» с трудом умещалось на сорока страницах, и менялось раз в месяц. Да и в плане контингента «Гуми» был интереснее. Не говоря уже о таких приятных вещах, как видео-консоль в пол стены, правильная музыка и прочее.

И все же, по утрам Шанти приходила в бар «Под Барабаном», заказывала чашку американо, кусок шоколадного чизкейка, закуривала первую утреннюю сигарету и начинала слушать. Такая у нее была работа: слушать, сопоставлять, анализировать. «Специалист Департамента Безопасности по общественным алгоритмам и информационной политике, планета Иводзима» – так это значилось в официальном реестре. Но суть ее работы намного точнее передавало негласное прозвище, которое приклеилось к людям ее профессии в Департаменте. «Слухач». Шанти была «слухачом».

Синдзюко, рукотворное солнце Иводзимы, все еще не взошло из-за горизонта искусственной планеты. Косые лучи цвета свежевыжатого грейпфрутового сока превращали видимый из витринного окна пейзаж в примитивную, но довольно милую стилизацию под нечеткую гамму ранних цветных фильмов. Все цвета казались ярче обычного, и в тоже время словно переставали быть самими собой. Не как алое пятно флага на броненосце «Потемкине», конечно, не так нарочито. Наоборот, мягко, ненавязчиво. И сквозь эту сепию особенно четко становился виден Барабан – гигантский атмосферный ассемблер, сердце планеты, создающий атмосферу, магнитное поле, гоняющий воду по внутренним резервуарам бывшей военной базы. Шанти понятия не имела, как работает эта махина, но она и не хотела знать. Ее вполне устраивала магия непознанного, но такого несокрушимого и реального, магия этого не прекращающегося вращения там, за границами атмосферы. Барабан…

Да, это была приятная вторая причина. Потому что первая ей не очень нравилась.

Именно здесь, в баре «Под Барабаном», встречалась идущая с работы ночная смена обслуживающего персонала

очистительных сооружений, с дневной сменой, идущей в обратном направлении. Тут обсуждались новости службы, рождались сплетни, создавались тенденции, и тормозящие потоки. Именно в этом баре решались самые глобальные вопросы унитарной части общества, объединенной профессиональными интересами, географической привязкой и распределением относительно финансовых потоков. Говоря человеческим языком, людей, работающих в одном департаменте, и там же получающих деньги. А ей требовалось быть в курсе происходящего, и уметь оперативно реагировать на изменения настроений среди работников Службы очистных сооружений.

– Ты учти, – сказал на распределении куратор Шанти, толстый и постоянно потеющий тип по имени Гонта, – это очень серьезные парни. Случись чего, им утопить планету в говне – раз плюнуть.

И Шанти учитывала. Когда писала отчеты, и предлагала выделить внеочередную премию, или уволить того или иного сотрудника. Когда решала, стоит ли увеличивать объем работ на том или ином участке. Когда требовала продвижения по карьерной лестнице того или иного работяги. В каком-то смысле жизнь этих людей была в ее руках. А бар «Под Барабаном» в том же самом смысле был ее рабочим местом.

Шанти сидела спиной к залу. Ее работа не требовала визуального контакта. А то, что происходило за витринным окном – требовало. Наступало то странное время, когда сепия античного кинематографа меняла кожу, начинала обновляться, прикидываться сегодняшним днем. Сначала почти не заметно, особенно если не знаешь, куда смотреть.

Бросив прощальный взгляд на молотящий космическое ничто мегалит Барабана, она переключила внимание на одну из абстрактных скульптур Брабека. Два блока из спрессованного мусора, поставленных на ось гигантской шестеренки, и увенчанных крыльями списанной в утиль авиетки. Неясная, скорее механическая гармония в сопоставлении случайных объектов. Что-то одновременно от Шагала и Гигера, но пропитанное очевидным гением автора, оригинальным видением, собственной логикой. Эту скульптуру создавал гений, обладающий способностью совмещения разрозненного в единое.

Там, прямо под крыльями авиетки, между мусорными блоками и жерновом, каждое утро начинает умирать сепия и проступают современные цвета консольного кинематографа. Настолько реалистичного, что порой до зубовного скрежета хочется, чтобы тебя обманули.

Все внимание Шанти сосредоточено на этом волшебном

превращении. Это – непрофессионально, но ей плевать. Глаза начинают болеть, потому что Шанти почти не моргает, боясь пропустить кульминационную точку, после которой начнется просто день. Ее кофе остыл, по щеке покатилась первая слеза. Глаза щиплет почти невыносимо. И все же она дожидается. На торцах скульптурных крыльев вспыхивают два ярких солнечных зайчика, стремительно разрастаются в ослепительные боке, замирают. А потом над границей платформы показывается огненная шапка искусственного солнца.

2
Игги и Маша

На Свалке этим утром не протолкнуться. Тут и малазийцы приперлись со своим мусором, и Костас с братьями приволокли какую-то бандуру (с виду, так просто кусок одного из технических блоков с необжитых уровней планеты, и возможно, так оно и есть), и Мама Чоя уже разложилась на кусках пластика: старые печатные платы, какие-то механизмы с циферблатами, шлейфы проводов. Но это не главное, только не сегодня. Хабарщики, бродят мимо лотков с отсутствующими взглядами, и видно, что покупать сейчас, в эту конкретную минуту они ничего не станут. И торгаши это понимают. И самое главное, что это понимает Игги.

Игги – охранник, ему ловить настроение толпы положено, это вроде как его профессиональная обязанность. Только сегодня и ловить-то нечего. Да и если вдуматься, какой он сегодня охранник? Он такой же, как и остальные, просто зритель, нетерпеливо переминающийся с ноги на ногу, в ожидании Дезертиров.

Только что вставшее солнце как будто спотыкается о грязные, сроду не мытые куски пластика, вставленные в окна. Интересно, думает Игги, они когда-нибудь были прозрачными? Наверное, много лет назад, когда это была не планета, а военная база. Да и то вряд ли. Надо бы попросить Марту открыть эти проклятые окна, думает Игги, и не двигается с места.

Пространство бывшего ремонтного цеха все наполняется и наполняется хабарщиками. Стены из полиуглеродного сплава, не выпускают наружу ни звука, так что весь он концентрируется здесь, под сводчатым потолком.

Грохочет дюралевая лестница, и в каморку к Игги поднимается Мэри. Вообще-то ее зовут Маша, но у Игги всегда были проблемы с произнесением русских имен, а Мэри, это вроде ОК, и она нормально воспринимает.

– Эй, Игги, что слышно? – спрашивает Мэри, вытягивая из выреза топа пачку сигарет.

– Пока тихо. Может и не придут?

– Придут, – уверенно кивает Мэри и прикуривает от протянутой им зажигалки.

– Это понятно, – соглашается Игги, и что бы перестать пялиться на то место, куда Мери возвращает пачку, пялится в мониторы.

Их девять, но картинка на них такая, что оставляет массу пространства для воображения. Камеры, установленные под сводами ангара, не протирали несколько месяцев, а не меняли несколько лет. Еще немного, думает Игги, и их можно будет смело продавать с прочим хламом антикварам-технофетишистам.

– Я вздремну пол часика, – говорит Мэри, закидывая ноги на третий, пустой стул, у которого пластик совсем растрескался, и уже никакой скотч не спасает.

У Мэри полугодовалый сын, так что иногда она здорово не высыпается.

Игги замечает, что едва прикуренная сигарета так и дымится в пепельнице, берет ее и делает глубокую затяжку.

Народ по-прежнему бродит между перегородок из спрессованного мусора, неуверенно оглядывается, прислушивается. Игги и самому хочется туда, вниз, он же тоже не железный, он тоже ждет. Но Мэри уснула, а бросать ее одну как-то не хорошо.

Так проходит несколько минут, и сигарета превращается в столбик пепла, а потом проходит еще столько же времени. И даже чертовски грязные линзы камер наблюдения оказываются способны передать, как внезапно изменяется настроение толпы, ее движения, обретая осмысленность. Игги трогает Мэри за плечо.

– Мэри… Просыпайся. Они пришли.

Он падает на колени и торопливо распахивает люк будки. Тут же рядом плюхается Мэри, он чувствует тепло ее плеча.

По центральному коридору, там, внизу, двигаются три мощные угловатые фигуры. Дезертиры, механические солдаты, которые много лет назад отказались выполнить приказ. Они шли, и каждый их шаг отдавался грохотом, когда огромные металлические ступни касались пола.

– Какие страшные, – шепчет Мэри. – А ты веришь, что они когда-то были людьми?

– Не знаю, – шепчет Игги, – наверное, верю.

Когда трое Дезертиров проходят мимо, Игги удается различить их ношу, то, что когда-то было одним из них. Это – похороны. Каждый раз, когда умирал кто-то из Дезертиров, другие приносили его на Свалку, оставляли на растерзание старьевщикам, и уходили. Они ничего не брали взамен, никогда ничего не говорили, Игги вообще сомневался, что они способны общаться с людьми.

Однако в этот раз что-то было не так. Иначе. И Игги, который проработал на Свалке почти семь лет, почувствовал это сразу.

– Ты заметил, кого они несут? – прошептала Мэри в самое ухо Игги.

– Последний генерал, – медленно кивнул Игги. – Таких больше нет.

– И не будет, – сказала Мэри, просовывая ногу в люк. Дюралевая лестница загрохотала, но никто не обратил на это внимания.

3
Брабек и Тако

– Тот, кто задумал этот шедевр, умер около тысячи лет назад, – рассказывает Брабек. – кусок стекла зажали в эту струбцину, а позже спрятали скульптуру в бомбоубежище.

– Эта струбцина из пластика, – говорит Тако, – тысячу лет назад о нем и знать не знали. Да и бомбоубежищ тогда еще не было, приятель.

– Люди не знали, – веско замечает Брабек, – у людей не было. Но тот, кто сделал это – не был человеком.

Тако стоит у… как это назвать? Ну, вроде как, лужа, только она из мутного такого стекла. Ничего особенного с точки зрения физики, ведь стекло, это жидкость, так? Жидкость – течет, верно? Конечно, поразительно, что ему потребовалось больше тысячи лет, чтоб из статичной – и вполне прагматичной – штуки превратиться в лужу. Но это, если принять весьма сомнительную теорию Брабека. А принимать ее Тако не собирался. Во-первых, потому что куда логичнее предположить, что кто-то создал условия, необходимые для образования стеклянной лужи в краткие сроки, нежели согласиться с теорией о принадлежности этого мутного артефакта инопланетной цивилизации. А во-вторых, у Брабека с утра зрачки чуть не во весь глаз, а значит, парень уже успел чем-то закинуться, верно-нет?

– Ты уже успел чем-то закинуться, приятель, я угадал?

– Самую малость, – пожимает плечами Брабек, – для старта.

– Ясно, – Тако бросает последний взгляд на голограмму и решительно идет к двери. – Мы не станем это покупать, Брабек, сечешь? Я свои бабки на это не выкину.

– Не будь таким скупердяем, Тако! – тут же начинает ныть Брабек. – И куда тебя понесло, давай обсудим…

– Я иду работать, Брабек. Забудь об этом дерьме, ок?

Тако чуть ли не бегом поднимается по лестнице из подвала скульптора. Надо сделать глоток свежего воздуха, понятно? Нормального воздуха, без примеси наркотиков и без слетающего с катушек Брабека. И то, что они братья по духу, ничего не меняет. Метамфетамин, нашпигованный нано-курьерами, разносящими его по всему организму, давным-давно прибрал и душу, и разум брата. Так что к черту, ясно?

4
Шанти

– Я достану тебе эту штуку, нет вопросов, но деньги мне нужны вперед.

– Мы так не договаривались.

– А теперь договоримся. Потому что в отличие от тебя, я рискую своей шеей по полной программе, Чилаго.

Шанти как раз собиралась уходить из бара, когда вживленные в височные доли сенсоры выхватили из общего гвалта эти два голоса. Она осталась за столиком, и рука потянулась к пачке. Многовато никотина для одного утра… Шанти помяла сигарету, и невзначай обернувшись, сориентировалась, из-за какого столика доносятся голоса. Один она узнала сразу, покупателем был Иероним Хайек, по прозвищу Чилаго, старшина одной из ремонтных бригад. В его досье сказано, что он излишне импульсивен и склонен к анархическим взглядам. Само по себе это не значило ничего, но Шанти давно взяла этого парня на заметку. Рефлексы «слухача». Что-то было в этом Чилаго, что-то, сулящее неприятности. Ну а со временем она выяснила через парня, с которым вроде как встречалась (это сложно), что у Чилаго непонятный, но прочный авторитет среди деловых людей.

А вот продавец ей был незнаком. Шанти достала вторую зажигалку, и прикурила, сфотографировав незнакомца встроенной микрокамерой. Допотопная игрушка, без которой в ее профессии никак. Любые дополнительно усиленные сенсоры в ее голове убьют тонкую восприимчивость аудиосенсоров. Приходится работать по старинке.

– Ты мне заканчивай тут орбиту наматывать, – ворчит Чилаго, – договор был 50 на 50. Никаких 100% вперед.

– Договор у тебя с твоим дзайбацу, приятель, – как ни в чем небывало, отвечает продавец. – А я – частное лицо. И для меня такая штука, как форс-мажор, важнее всего остального. А твой заказ – натуральный форс-мажор, потому что ежели меня накроют с этой приблудой, мне конец, приятель. Вкуриваешь?

Они спорят приглушенными голосами, и если бы не аудиосенсоры, Шанти ни слова не смогла бы разобрать в общем гаме. Это место и это время – идеальные условия для разговора, который не должен быть услышан.

– Ты пойми, – уже чуть ли не шепотом убеждает Чилаго продавец, – это же армейская вещь, за такое выселяют с дзайбацу

без определенных частей организма. 100% предоплаты, только так, приятель, только так.

Чилаго молчит. Долго, так что Шанти начинает сомневаться, а будет ли вообще у этого разговора продолжение. Но вот он что-то двигает по столешнице – пустую кофейную чашку? – и отвечает:

– У меня сейчас нет таких денег.

– Я могу подождать, – заверяет громадного латиноса продавец. – И ты, приятель, тоже можешь. Десять лет ждал, от пары недель ничего не изменится. Ладно…

Звук отодвигаемого стула. Шанти оборачивается, подает знак официанту. Лысый, весь какой-то неприятно морщинистый, смахивающий на египетскую кошку продавец стремительно идет между столиками. Черный фибер-нейлон куртки засален так, что надпись на спине – «Универсум Инд.» – едва читается.

К столику Шанти подходит официант с чип-сканером, Шанти улыбается и протягивает ему запястье. Официант сканирует невидимую глазу метку. Где-то на втором уровне планеты с одного сервера на другой перекочевывают биткоины Шанти.

Чилаго остается сидеть, поставив огромные локти на столешницу. Кофейные чашечки кажутся деталями игрушечного набора рядом с этими двумя монолитами мускулатуры. Лицо Чилаго такое мрачное, что само по себе способно вызвать непогоду.

Чего так ждал этот человек в течение десяти лет? И что ему передадут через две недели? И главное, как сказал продавец – «армейская вещь»?

Двери из полупрозрачного пластика разъезжаются перед ней. Шанти подставляет лицо солнцу, автоматически расстегивая молнию своего анорака. Легкий прохладный ветер приятно холодит кожу шеи, на мгновение врывается в густую копнуть черных волос. Шанти чувствует, и на этот раз никакими усиленными рецепторами не объяснить пришедшее понимание, что на ближайшее время это последнее спокойное утро. Как минимум на две недели. Она поворачивается и идет к станции фуникулера. Планета вокруг нее кружится, набирая темп для грядущего дня, а над планетой кружится гигантский Барабан ассемблера и искусственное солнце Синдзюко.

5
Тако и Чилаго

Тако пахал до полудня, сечешь? Лично проверяя работу наборщиков, красильных миксеров, печатных станков. Идея издавать настоящую бумажную газету еще год назад казалась полным бредом даже ему самому. Но поэтому он за нее и взялся, верно? Век, когда само понятие передачи информации путем печати ее на одноразовом, ненадежном источнике, нарушает саму логику обращения с информацией, газета перестает быть самой собой, и превращается в арт-объект, в произведение искусства. Поэтому Тако и не поднимает тираж. Следишь за мыслью? Тако поднимает цену. И никакой подписки. Рано или поздно мода на «Иводзима-калт» пройдет, это Тако понимает. Так что он просто печет пироги, пока печь горячая, да? Но это так же значит, что каждый пирожок должен быть самого высшего сорта. Единственное, от чего Тако пришлось отказаться, это собственно от натуральной бумаги. Эко-контроль дзайбацу наотрез отказался выдавать такое разрешение. Приходится использовать очень тонкие листы пластика из спрессованного мусора. Тако даже собственный пресс купить пришлось. Но все это с лихвой окупилось, и теперь «Иводзима-калт» работала исключительно в плюс. Следишь за мыслью? Все это значит только одно. Тако следовало лично отслеживать весь процесс от набора до печати. И он отслеживал, каждый божий день, кроме субботы. Пренебрегать шаббатом Тако не мог при всем желании, и без того не просто быть Новым Израильтянином с именем Такеши и фамилией Тераучи. Не то чтобы Тако был таким ярым верующим, не думай, но береженного Бог бережет, и все такое.

Когда огромные, антикварные, напольные часы пробили полдень, Тако позволил себе расслабиться. Протирая руки технической ветошью, он поднялся по принципиально скрипящей лестнице (за этот «особый, теплый скрип» пришлось неплохо раскошелиться) из цокольного этажа, где располагалась типография. С этим самым цокольным этажом тоже ничего не поделаешь, маркетинговые исследования показали, что все поголовно убеждены, будто типография должна находиться в подвале. Слушай, откуда они это взяли, а? Кто из них застал хоть одну действующую типографию? Но – и это Тако осознавал – закрывать глаза на такие вещи нельзя. Он и так сидел на пол этажа выше положенного.

Пройдя узкой улочкой, зажатой между двух

производственных зданий к людной как обычно в это время суток площади Гагарина, Тако остановился у автоматического киоска купить жевательной резинки. Ничего особенного, понимаешь? Просто баблгам. Кто ж мог знать…

Там-то на его плечо и легла увесистая ладонь. Легла вроде мягко, но в тоже время так, что с места не двинешься.

– Тако-сан… Как приятно видеть вас в добром здравии.

Судорожно сглотнув внезапно пересохшим горлом, Тако обернулся. Гигант Чилаго был таким огромным, что вокруг стало ощутимо темнее. Но дело не в этом, сечешь? Темно стало на душе у Тако. Потому что торчал Тако этому латиносу серьезную сумму.

– Чилаго? Ты напугал меня, приятель. Нельзя так пугать, ок? – заговорил Тако, пытаясь сохранить видимость уверенности. В конце концов, до оговоренного срока выплаты оставалось еще больше полугода.

– Тако-сан, – внезапно перестав улыбаться, сказал Чилаго, – обстоятельства сложились так, что я вынужден пересмотреть наш контракт.

6
Игги и Маша

Народ в этот день начал расходиться рано. Не было еще четырех, когда первые торговцы принялись складывать товар в сейф-ботов. Мэри называла это – «четверг после карнавала». Игги несколько раз собирался спросить, почему, да как-то все из головы вылетало. Спустившись из будки, Игги отправился на регулярный обход.

От тела Дезертира – можно интересно называть это телом? – уже ничего не осталось. Только разве мокрые пятна на бетонном полу, там, где пролился физраствор, заменяющий Дезертирам кровь. Игги старался не смотреть на эти пятна. Настоящая кровь или искусственная – какая, по сути, разница.

Глядя в сторону упаковочных столов, Игги пошел по западному проходу.

Он бы и не заметил этой штуки, не отвернись от пятен. Цилиндр, размером с мизинец, металлический, того особенного цвета, по которому сразу угадывалась часть организма Дезертира. Песок после дождя, так говорила Мэри. Мокрый песок Игги помнил. Там, на Новой Англии, до эвакуации, они жили недалеко от реки. Темза называлась. Берега там, в основном, были каменистые, но песок тоже попадался.

Оглянувшись и поняв, что никто из занятых сборами торговцев за ним не наблюдает, Игги с деланной скукой двинулся к упаковочным столам. Наверное, когда барахольщики терзали мертвого Дезертира, этот цилиндр откатился сюда. А днем около упаковочных столов всегда толкучка, потому что их мало и на всех не хватает. Скорее всего, кто-то нечаянно запнул цилиндр под стол и не заметил.

Вообще-то, Игги никогда не стремился обладать чем-нибудь этаким. За три года насмотрелся так, что уж тошно от всей этой рухляди. Но эта тусклая штука под упаковочным столом, было в ней что-то такое, от чего Игги стало вдруг чертовски грустно. А в голове закрутились дурацкие мыслишки, типа того, что рано или поздно каждого запнут под его собственный упаковочный стол, а вокруг будут только пятна искусственной крови и барыги, перекладывающие хабар в желудки сейф-ботов. И никто даже взгляда не бросит. Короче, совсем какие-то нехарактерные мыслишки. Игги присел, словно для того, чтобы перетянуть фибро-нейлоновые крепления ботинок. А когда поднялся снова, цилиндр цвета песка под дождем лежал в набедренном кармане

форменных брюк. Вот и все, а что и зачем, с этим Игги разберется дома, после смены.

– Эй, напарник, – зазвучал в наушнике пересыпанный статикой голос Мэри. – С каких это пор ты заделался хабарщиком?

Игги завертел головой, потом догадался посмотреть наверх. Мэри ухмылялась с узкого технического балкона прямо над ним.

– Да расслабься ты, Игги, мне все равно…

– Это от генерала Дезертиров, – внезапно для себя признался Игги. – Деталь. Закатилась под стол.

– Ясно, – сказала Мэри, – тогда лети на всех парах к братьям Костас. Им сегодня мало досталось, может и купят.

– Да нет, я не для того.

А для чего? Не рассказывать же Мэри о всех этих мыслишках. Она скажет, что Игги совсем спятил, и будет, черт ее побери, права.

– Ну, как знаешь, – сказала Мэри. – Но если ваше высочество не сильно заняты уборкой мусора, не могло бы оно притащить свою задницу сюда. Покажу тебе кое-что забавное.

Игги прошел дальше по коридору, до перекрестка западного прохода и короткого рукава, в котором обычно торговали древними печатными платами. За одним из прилавков имелась лестница, ведущая на технический балкон. Игги редко здесь бывал. В электричестве он ни черта не понимал, а если нужен был нормальный обзор сверху, то из окна их будки он был куда лучше. А вот Мэри частенько сюда залезала. Из-за вентиляции. Залезет, прикурит косячок, а дым и все запахи уходят в вентиляционную систему на потолке. Игги травку не любил, дурел с нее, сидит, смотрит в одну точку, и ни с места. А больше тут наверху делать было нечего.

Он подошел к Мэри, встал, облокотившись о ржавые перила. Подумал и вытащил сигарету. Сладковатый запах конопли был неприятен.

– Смотри, – сказала Мэри, – я тут, сколько сидела, а только сегодня заметила.

– Заметила что?

Игги знал, что Мэри употребляла только легкую коноплю, натуральный продукт, без всякой химии, но сейчас ему показалось, что напарницу накрыло крепче обычного. Уж больно серьезный, сосредоточенный у нее был видок.

– Проходы между барыгами, – сказала Мэри, – он как обратная латинская S.

– Ну да, – кивнул Игги, – и?

– А ты видел это видео, наша Иводзима с камер Барабана?

– Ну да… А… Понял.

Этот фильм показывали всем новоприбывшим на Ивадзиму. Игги видел его восемь лет назад, когда гигантский эвакуационный корабль приближался к планете. Мэри… Когда она прилетела? Три года назад? Ну вот, значит три. Да и по центральному телевидению его крутили частенько.

Если на Ивадзиму смотреть из космоса, с высоты ассемблера, то она будет как раз такая – будто обратная S. Только вот Игги бы и в голову не пришло сравнить привычный маршрут обхода рынка с планетой. Совсем не так у него мозги устроены. А вот Мэри умная девчонка. Да она и сама как-то сказала, что сделала в жизни только одну глупость, переспала с этим придурком, владельцем «Гуми».

– Здорово, – сказал Игги, – кивая вниз. Мне и в голову не приходило.

– Как думаешь, – непривычно тихо, совсем не в своей манере, спросила Мэри, – это случайно?

Игги пожал плечами. Если такие вещи и значили что-то, то уж точно не его мозгами это понимать.

– Тебе домой не пора, напарница?

– Наташа сегодня до семи, – все так же глядя вниз, ответила Мэри. – Но вообще-то было бы не плохо срулить пораньше. Прикроешь?

Игги знал, что Наташа – это сиделка, которая сидела с ребенком Мэри. Ее имя тоже было нереально произнести так, как произносила его Мэри.

7
Тако и Чилаго

Год назад, когда Тако затеял свой бизнес с типографией, на него наехали. На полном серьезе, следишь за мыслью? Тогда этот район держали парни Кико, так? Вот они и наехали. Думали, богатый япошка приехал. А этот япошка в гетто вырос, сечешь? Откуда богатство? Но они не поверили, и такую цену заломили, что на нее целый уровень можно купить. А Тако к тому времени уже кредит взял на аренду, и еще один на оборудование, и третий, от правительства на развитие малого бизнеса. Понимаешь? И попадал на выходе в такие долги! Он уж и не знал что делать, хоть на необжитые уровни убегать, или вообще с планеты. Но тут один человек подсказал обратиться к Чилаго.

А этот Чилаго, в нем обмануться – раз плюнуть. Выглядит как тупая деревенщина, сам огромный, глаза маленькие, нос картошкой, и похож на этого актера, который еще винодельни держал и который в криокамеру лег, а его неудачно разморозили. Ну, известная история, ты чо? Только этот – латинос, а тот француз был. Сечешь? А еще плечи – на каждое можно по Тако посадить. Кажется, у ботинка и того ума больше, так? А вот ни хрена не так. Тако позже навел кое-какие справки. Никто из мелких сошек не знал деталей прошлого Чилаго. Но среди местных серьезных людишек латинос был в непонятном авторитете. Говорили, захоти он, и мог бы сам серьезно держать тут все. Но он – не хотел. У него была какая-то цель, и, похоже, теневой контроль финансовых потоков одного из бизнес-кварталов Иводзимы казался ему чем-то незначительным. Это с одной стороны, сечешь? А с другой – работал этот Чилаго каким-то там техником в департаменте говноуборки, и вот это совсем сбивало с толку, но почему-то вызывало еще больше уважения. Короче, ума у этого парня было столько же, сколько мышечной ткани. То есть охренеть как много, понимаешь?

Чилаго тогда его выслушал, подумал, и назвал сумму. Тако честно признался, что денег у него таких пока нет. Их и правда, не было, сечешь? А этот громила и говорит, вроде как ладно, отдашь через год. Вроде как, ему не к спеху. Нормальные условия? Нормальные. Тако согласился. И с тех пор никто его не трогал. До сегодняшнего дня.

Чернокожий официант принес им по тарелке гуляша с кнедликами и по огромной кружке светлого пива. Они курили и молчали, пока он, мучительно неторопливо выставлял все это

на стол.

– У нас был уговор, Чилаго, – прошептал Тако, когда они, наконец, остались одни.

– Так уж случилось, Тако-сан, я и сам не рад, – пожал плечами латинос. Но часть суммы мне понадобится в течение этой недели. А за форс-мажор я скощу остаток долга вдвое.

Тако помолчал, гоняя вилкой кусочки мяса. Потом спросил:

– Много?

– 50 кусков.

Официант снова проплыл в зоне слышимости, поменяв по пути их пепельницу на чистую.

– Не люблю это, – сказал Чилаго, глядя ему вслед.

– Понимаю, – кивнул Тако, – никто не любит нуждаться.

– Я про то, что этот хрен поменял нам пепельницу до того, как я докурил.

– А…

– И я не нуждаюсь, Тако-сан. У меня столько должников, что я никогда не стану нуждаться.

Что-то было в том, как Чилаго это сказал, что мгновенно заставило Тако мерзко вспотеть.

– Я соберу нужную сумму к послезавтра. Раньше не получиться.

– Меня это устраивает, – кивнул Чилаго, и вдавил сигарету в пластиковое донышко пепельницы. – Ты ешь гуляш, Тако-сан, тут его правильно делают. По настоящему.

– Чилаго, – неожиданно для себя сказал Тако, – я видел у тебя армейские татуировки. Такие делали себе ребята на Сайгоне. Но разве ты родился не после войны?

– После? – латинос как-то странно посмотрел на японца. – А ты думаешь, она кончилась, Тако-сан?

8
Шанти

Шанти перегнулась через Давида и потянула с тумбочки свою рубашку. Давид легонько куснул ее за руку.

– Хватит, – как можно решительнее сказала Шанти, – я и так опаздываю…

– Времени – вагон…

У него низкий, с едва заметной хрипотцой голос. К тому же это его грассирование… В других обстановке она бы после этих двух слов позволила веревки из себя вить, чем они, собственно, и занимались еще пять минут назад. Но им и правда пора разбегаться, и сам Давид это понимает. Датчики глушения, которые они поставили в номере отеля, могут привлечь ненужное внимание. И прежде всего их коллег по ДБ. Сексуальные отношения с коллегой… в их организации обычным увольнением такая история не кончается.

– Успеем кофе попить, – заметил Давид, глядя на часы.

– Так займитесь им, мсье Белль. Мне еще нужно вернуть на лицо все то, что вы с него слизали.

Давид усмехнулся так, что Шанти чуть не начала снова раздеваться, но в эту секунду запищал первый таймер. У них оставалось 15 минут.

– Так что у тебя на этого Чилаго, – возясь с консолью кофейного аппарата, спросил Давид.

– Пока ничего кроме подозрений в том, что он собирается купить нечто, что когда-то принадлежало армии.

– Нашей или Сайгонцам?

– Трудно сказать.

Давид обернулся.

– Серьезное обвинение, Шанти. Если ты заявишься с этим в СБ, а потом окажется, что ты ошиблась, твоей карьере конец.

– Понимаю. Поэтому и хотела сначала тебе рассказать. Но ты решил сначала меня раздеть.

Давид усмехнулся.

– Даже просто смотреть на тебя в одежде, уже извращение. Одежда тебе в принципе не идет, моя дорогая цейлонская принцесса… Но, если серьезно, ты не могла как-то не так понять? Неправильно услышать?

– Я могла, но он, – Шанти постучала себя пальцем по виску, – не мог. Я трижды переслушала файл с записью их разговора. Продавец очень четко сказал, что это что-то армейское.

Кофейный аппарат просигналил и выдвинул две парящие чашки. Давид перенес их на стол. Шанти закончила с макияжем и присоседилась к нему.

– А что конкретно сказал продавец?

– Что-то в том духе, что иметь дело с армейскими вещами опасно, и поэтому ему нужна полная предоплата, бла-бла-бла.

Давид отпил кофе, поморщился и отодвинул чашку.

– Горячо. Никак не научусь выставлять нормальную температуру… В принципе, продавец мог и не врать. А мог просто разводить твоего Чилаго. Правда, репутация у него серьезная… Но если за продавцом стоит кто-то реальный, то игра может оказаться серьезнее, чем мы думаем. О какой они говорили сумме?

Шанти пожала плечами.

– Они не называли. Но Чилаго сказал, что у него таких денег нет, и собрать их быстро не получиться.

– Значит, сумма серьезная. Merde…

Давид надолго задумался. Шанти встала, отключила глушилки, вернулась за стол. Золотой свет приближающегося к горизонту солнца вернул городу утраченную сепию, но теперь это была сепия старых фотографий, в ней хотелось замереть и не двигаться. Шанти попыталась мысленно сосчитать выкуренные за день сигареты, потом так же мысленно махнула рукой и потянулась к пачке Давида. Закурила, подумав о том, что ради зрелища пронизывающих сигаретный дым лучей закатного солнца, можно простить любой вред здоровью.

– Щекотливое дельце, – пробормотал, наконец, Давид. – Я бы не спешил сообщать о нем. Попаси пока этого Чилаго, послушай. Может, выплывет что-то конкретное. И да, пришли мне описание продавца. Попробую пробить его по нашей базе. Надо выяснить, что это за ублюдок.

– У меня есть фотография.

Когда Давид и Шанти выходили из мотеля – Давид через кухню, Шанти через центральную дверь, – Синдзюко уже наполовину скрылось за краем их уровня. Сквозь ставшую прозрачной атмосферную линзу снова хорошо был виден Барабан ассемблера. Приглядевшись, Шанти смогла различить даже две быстро двигавшиеся искорки рядом с ним. Челноки.

В звездной системе, где была построена военная база Иводзима, было семь планет. Совершенно непригодных к жизни и не поддающихся терраформированию, но очень богатых. Челноки возили с них ресурсы и просто грунт, четко выполняя семилетнюю программу превращения «Иводзимы» из искусственной планеты в просто планету. Шанти подумала,

что семь лет, это не так уж много, и все, ради чего суетятся в космическом вакууме искорки, произойдет при ее жизни. По-крайней мере, в это очень хотелось верить.

9
Игги

Игги обесточил внутренние помещения рынка с собственной консоли, – пискнул модуль над воротами, сообщая об автоматическом включении сигнализации, – и медленно двинулся к станции фуникулеров. На Мусорной улице было непривычно безлюдно. За все эти годы Игги задержался так поздно первый раз. Сначала, чтоб посмотреть повтор матча между «Синими муравьями» и «Кусто». Дома видеомодуль так и валялся разобранный, все руки не доходили. А потом, когда матч уже закончился, Игги почему-то не пошел домой, а стал ходить по этим коридорам между пластиковыми кабинками торговцев, туда-сюда. Странно это было, идти тут и слышать собственные шаги. На рынке и в малолюдные дни стоит дикий гвалт, а тут – тишина. Ну, не совсем тишина, но звуки, которые здесь теперь жили, тоже были совсем непривычные. Жужжали под сводами ангара бесполезные камеры, меняя направление съемки, – как же забраться на такую верхотуру и протереть им линзы? – пищали датчики сан-эпидем службы, шуршал по своим делам старый бот-уборщик, похожий на учителя физики из новоанглийского детства Игги. Мистера Чарльза Марблдога. Он не попал в первую очередь эвакуации, не прошел по возрастному цензу, как и дед Игги. А второй очереди так и не случилось. Но Игги от этой мысли поторопился избавиться, не любил он об этом думать.

В общем, пробродил так Игги аж до десяти вечера, ни о чем особенно не думая. День видать такой выпал, все у него шло сегодня вроде и не плохо, но как-то странно, не так, как всегда.

Игги прошел до конца улицы, миновал бетонные отражатели, по самую верхушку расписанные флуоресцентными граффити, – вот кого надо нанять камеры помыть, этим засранцам любая высота нипочем, – и поднялся по эскалатору к вагонам.

На платформе трое подростков в одинаковых оранжевых комбинезонах из фибро-нейлона вяло перебрасывались мячом со смещенным центром тяжести. Рядом более молодой родственник Мистера Чарльза Марблдога, неприятно-полупрозрачный робот уборщик елозил по полу, пытаясь оттереть сделанную через трафарет надпись «Иисус небесный, иже, присно и во веки веков». Наверное, Иисусу не особенно понравилось бы, что по его имени ходят ногами, подумал Игги.

Всю дорогу Игги ехал в пустом вагоне. Лишь на станции «Марсово Поле» влетел миниатюрный квадрокоптер, прыснул

на стену несколько незаконных рекламных объявлений и тот же выскочила обратно. Игги проводил его равнодушным взглядом.

Дома его ждал привычный бардак из разбросанных на обеденном столе запчастей видеомодуля, предметов гардероба, которые лежали где угодно, кроме гардероба, пустых бутылок из-под пива и боксов из ларька китайской кухни. От боксов ощутимо попахивало кислятиной. Игги уныло огляделся и стал раздеваться. Когда он снимал брюки, что-то выпало из карманов, ударилось об пол и укатилось под стол.

10
Шанти

На следующее утро Чилаго не появился «Под Барабаном». Шанти напрасно прождала почти до одиннадцати, делая вид, что увлеклась просмотром нового фильма на экране ручной консоли. Дважды она поднимала чувствительность височного сенсора до максимума, «обшаривая» прилегающие к бару улочки, но лишь заработала тупую боль в висках и слезящиеся глаза. Чилаго не пришел.

Ровно в одиннадцать консоль приняла сообщение от Давида, которому Шанти еще утром отправила снимок крысоподобного продавца.

«Анри Жемаль, кличка Москит, мой метасоотечественник, – писал Давид, – 42 года, на Ив-ме четыре года. До этого пять лет на Коконе-2. Специализируется на торговле запрещенным софтом, поиске информации, и кадровым вопросам для небольших криминальных группировок. Ни в чем, имеющем отношение к армейскому имуществу замечен не был, но всерьез его по этому направлению не разрабатывали. Адрес регистрации: платформа 4, улица Мишеля Монтеня, пансион „Икра“, номер 202. По словам управляющего пансионом, Жемаль не появлялся у себя как минимум неделю. Пока все».

Шанти расплатилась и вышла из бара. Небо в этот раз было припорошено подозрительной сыпью темных облаков. Шанти задрала рукав и вызвала на экран консоли расписание метеослужбы. Дождь обещали между 12-ю и 14-ю часами: метеорологи запускали новое оборудование, и более точного прогноза ждать не приходилось. Шанти постояла минуту в задумчивости, потом решительно пересекла площадь и вошла в стилизованные под плохо обработанный камень двери отеля «Последний из Могикан», где у ДБ имелся навеки зарезервированный номер. Как, впрочем, и в любом другом отеле города. Пока она шла через холл, молодой портье нагло разглядывал ее из-за стойки. Шанти догадалась, что с обратной стороны двери отеля прозрачные, и в утреннем косом свете ее платье из полишелка было почти прозрачным. Он решил, что я шлюха, поняла Шанти, и иду к своему клиенту. Ее это устраивало. Никто еще не умирал от похотливых взглядов.

Шанти поднялась на лифте до 4 этажа, прошла длинным, намеренно плохо освещенным коридором до номера 403, и приложила палец к считывателю замка.

В номере дежурил один из младших кураторов ее отдела, страдающий запущенной склонностью к полноте эстонец Вайлис.

– П-п-ривет, Ша-анти.

Вайлис ко всем своим недостаткам еще и здорово заикался, но на своем месте был незаменим. Никто так методично и тщательно не отрабатывал получаемые файлы.

– Привет, Вайл. Мне нужен именной штрих-код Департамента Очистных сооружений, комбинезон и навигатор по их внутренним помещениями.

– З-за-чем?

– Напиши – оперативная необходимость.

– Х-хорош-шо.

Ровно через сорок минут Шанти выходила из отеля в оранжевом комбинезоне и форменной бейсболке. Портье даже не посмотрел в ее сторону.

11
Игги

Игги проснулся поздно. Он понял это по тому, как свет бил в фиберглассовые окна в потолке, освещая неуютное холостяцкое жилище. Он купил эту однокомнатную конуру на год назад, по дешевке – из-за кухни, похожей на спичечный коробок и отсутствия окон в стенах. Впрочем, если бы они и были, толку-то. Многоквартирник окружали индустриальные пейзажи, при создании которых вопрос эстетики вообще не стоял: серый куб электростанции, пластиковый уродец кислородного нагнетателя, и похожий на потерпевший крушение космический корабль восточный блок батарей ассемблера. И посреди этого роскошества воткнулся архитектурным недоразумением многоквартирный комплекс, построенный из бетонных панелей, прошитых полиуглеродной сеткой. Дом выкрашен в ярко-желтый цвет, и одним из плюсов проживания в нем являлся тот факт, что изнутри не видно, как он выглядит снаружи.

Игги скинул одеяло, но вставать не торопился, и, наверное, пролежал бы так еще долго, но в боксах с китайской едой что-то явственно стухло. И очнувшееся от сонного оцепенения обоняние Игги поспешило сообщить хозяину о том, что воняло-то, в общем, невыносимо. Игги рывком поднялся, и как был, в трусах, принялся перетаскивать боксы к блоку утилизатора. Ну, казалось бы, чего проще: поел, выкинь бокс в жутковатую на вид пасть новенькой Машины по превращению чего угодно в прах. Этот прах можно сдавать в специальные пункты, позже его использовали в блоках из спрессованного мусора. Плохо ли? И пользу приносишь, и какая-никакая копеечку на счет падает. Но нет, боксы копились и копились, пока не грозили захватить все пространство квартиры, или пока в них не протухали объедки, как сегодня.

Скормив источник миазмов утилизатору, Игги так же решительно взялся за видео-модуль, который давно следовало собрать, но тут затрещал зумер ручной консоли.

– Ты там спишь что ли, напарник?

Игги в панике сосчитал смены, не перепутал ли он выходные. Вроде нет.

– Я уже проснулся, – ответил он после паузы. – Мэри, это ты?

– Да, камера на консоли сдохла. У кого ты заказываешь такое мощное белье?

Игги вспомнил, что все еще в трусах.

– Покупаю их в оптовом, – чувствуя себя полнейшим идиотом, ответил Игги. Он всегда нес какую-то чушь, когда говорил с Мэри.

– Какие планы на сегодня?

– Да так… Хотел собрать видеомодуль.

– Забей, напарник. Ровно в четыре хочу видеть твою задницу у себя. Мама забрала дочку на выходные, можем выпить не экономя.

– Ладно, – сказал Игги, – я приду.

Консоль погасла. Игги перевел взгляд на разобранный видеомодуль, потом опустил глаза и заметил под столом давешний цилиндр. Опять его потеряли, что за судьба? Игги поднял запчасть Дезертира, потер о простынь и поднес к глазам.

Красноватый металлический цилиндр длинною чуть больше мизинца Игги. Круглые бока совершенно гладкие, а на одном из торцов выдавленная надпись «AB Ivadzima, p#99665» и знак, вроде как круг в прямоугольнике. Что такое «AB» Игги догадался сразу – «Army Base». Со знаком тоже все более-менее понятно: под флагом восходящего солнца воевали многие подразделения войсковой группировки «ВОСТОК» армии Сайгона. Эта группировка состояла из людей, которые не считали себя коммунистами, но часть идей Сайгона поддерживали и встали на их сторону. Дед одноклассника Игги, к примеру, значился некоторое время в батальоне «КИКУДЖИРО» и носил шевроны с бело-красным знаком. Повоевать ему так, впрочем, и не пришлось. Дезертиры сделали свое дело.

Игги снова поднес цилиндр к глазам. Наверно, p# значит личный номер, но количество цифр уж больно маленькое. Время, проведенное на Свалке не прошло даром, и хотя Игги ничем таким не интересовался, кое-какая информация пробралась в его голову непрошенной. Например, он знал, что обычно персональный номер Дезертира состоял из трех тысяч символов, скрытых в полосках штрих-кода. А тут – каких-то шесть цифр. Если кому-то прилет в голову взломать личный номер и получить всю информацию о носителе, то самая простая софтина по подбору кода вскроет его в две секунды. Игги прикинул, кто на их рынке занимается военным барахлом и решил расспросить их во время следующей смены. Ненавязчиво.

Игги вздохнул и поставил цилиндр на стол, чуть в стороне от распотрошенного видео-модуля. Эта штука могла быть чем угодно: банальным индуктором, каким-нибудь хитрым патроном или хранилищем информации. Игги уже не знал, стоило ли прихватывать его с собой. Тут тонкостей куча, потому что военного барахла вокруг полно. Да они по нему буквально ходят,

учитывая, что Иводзима была когда-то военной базой. Но барахло барахлу рознь. А что если эта штука способна разнести всю планету? Или в ней сидит опасный вирус? За хранение такой штуки грозит как минимум выселение.

Ладно, время покажет. Игги поискал глазами, куда бы спрятать цилиндр, потом решил, что лучше, чем куча разбросанного механического хлама на столе, тайника не найти. Потому что за четыре года Игги даже толком не обставил квартиру. Да и когда? Кровать, стол и два раскладных стула. Даже холодильника нет.

12
Тако

Тако вел дела Брабека с тех пор, как он перебрался на Иводзиму. Что-то он такое чувствовал в его скульптурах, понимаешь? Что-то такое, что словами не расскажешь. А по своему опыту Тако знал, что невыразимое словами хорошо продается. Так и вышло. Город и частные коллекционеры исправно покупали скульптуры Брабека. Все нормально, так? Ну, вот как тебе сказать… Все было бы нормально, если бы Брабек не был долбанным наркоманом, все глубже опускающимся на дно наноамфетаминовой преисподней. А это уже грозило убытками, сечешь? Мелкие механизмы, каждый размером с малекулу, разносили по телу Брабека дурь. И с каждым днем они забираются все дальше, и однажды найдут место, с которого уже не удастся разглядеть наш с тобой мир, вот так.

В этот раз было так: скульптор лежал на кафельном полу ванной. Абсолютно голый и абсолютно лысый. Он сбрил себе даже брови, и все это: шевелюра, волосы из паха, из подмышек, с груди и спины, – усеивало кафельный пол ванной.

Тако присел на корточки и спросил, качая головой:

– Ну и на хрена?

– Я скоро умру, Тако, – не открывая глаз, ответил Брабек. – Но сначала я вплавлю свои волосы в пластик и сделаю из него самую лучшую скульптуру. А ты ее продашь. Мои волосы, понимаешь друг? Я помру, а они будут жить. Они увидят будущее.

– Будущее? А на хрена тебе будущее, если ты к тому времени откинешься от этого дерьма? Сколько ты принял сегодня, а?

– Достаточно, чтобы увидеть новую вещь. Она будет лучшей Тако. Она будет памятью.

– О ком? О проклятом наркомане?

– Нет, не так. Ни о ком. Просто памятью, понимаешь Тако? В самом чистом виде.

Тако вспомнил тяжесть ладони Чилаго на своем плече, вспомнил маленькие, глубоко посаженные глаза. И сказал:

– Черт с тобой Брабек. Я продам эту твою память. Но постарайся не подохнуть до того, как закончишь, договорились? Я еще не готов потерять тебя, сечешь? Я и мой кошелек, мы оба ни хрена не готовы тебя потерять.

Выйдя на улицу, Тако набрал на консоли номер того парня из муниципалитета… Как его там? Не важно, лысого, толстого,

так? Набрал и спросил:

– Нужна вам еще скульптуры Брабека для библиотеки? ОК. Но она будет стоить вдвое дороже. Да потому что, сдается мне, это будет его последняя скульптура. Потому и цена. Называется?.. Называется «Память». Да… ОК. Договорились.

13
Шанти

Шанти сидела на грузовом пандусе во дворе технических служб Департамента очистных сооружений. Солнце уперлось в зенит, словно его проткнуло осью Барабана. Если верить расписанию синоптиков, с минуту на минуту должен был начаться дождь.

По двору туда-сюда, нечеловечески ловко маневрируя, носились грузовые и ремонтные боты, все корпоративного оранжевого цвета Департамента. А вот людей во дворе почти не было – разгар рабочего дня.

Шанти делала вид, что вышла перекурить на воздухе, но в действительности снова подняла чувствительность сенсора до максимума, «выслушивая» Чилаго. Это было не просто. Причудливая архитектура комплекса, пронизанная огромным числом коридоров, и помещениями, под завязку набитыми фонящей аппаратурой, создавала жутко размытую, почти не читаемую звуковую картинку. И все же Шанти нашла его. Когда казалось уже, что мозг ее вот-вот лопнет от напряжения, она услышала его голос в одной из технических секций на седьмом этаже. Разобрать слова было невозможно, но опциональное определение человека по голосовой карте с уверенностью в 98% узнало Чилаго.

Шанти с облегчением снизила чувствительность сенсора, докурила, приходя в себя, и соскочила с грузового пандуса. Бот-контролер на входе скользнул считывающим лучом по поддельному штрихкоду, добытому Вайлисом, и равнодушно отъехал в сторону. Шанти неторопливо прошагала по холлу до лифтов, ожидая, что в любую минуту в ней распознают чужака. Департаменту порядка такой скандал был ни к чему. Но Вайлис знал свое дело, и через несколько секунд лифт нес ее наверх.

На площадке седьмого этажа толпилось человек 20 работяг в таких же, как у Шанти комбезах. Это на мне такой же комбез, как на них, напомнила себе безопасница, проходя сквозь толпу. Никто не обратил на нее внимания.

Шанти вышла в коридор, убедилась, что она здесь одна и вызвала на экран консоли схему седьмого этажа. Необходимое ей помещение находилось дальше по коридору. Когда Шанти провела над ним указательным пальцем, консоль услужливо вывела подсказку: «Контроль химических абсорбентов». Вперед по коридору, мимо одинаковых дверей из коричневого пластика.

Стены из бетонных панелей, старых, изготовленных до того, как при строительстве стали использовать полиуглеродную сетку. Несколько стационарных консолей на стенах показывали анимированную презентацию Департамента. Шанти дошла до конца коридора, никого не встретив, миновала необходимую дверь и остановилась у следующей. Сенсор уверенно констатировал, что в помещении никого нет. Шанти прислонилась ручную консоль к считывателю на двери. Замок едва слышно щелкнул, и вот она уже внутри. Кабинет на четыре стола, стационарные консоли на каждом, плюс дополнительная на стене между двумя узкими окнами. Шанти замерла у двери, подняла на два деления чувствительность сенсора, и разделила направленность: восемьдесят процентов на соседнее помещение, двадцать на коридор.

– …зачем тебе это? – спросил женский голос.

– Чтобы знать наверняка, – ответил Чилаго, – что я сделал все что мог.

– Зачем?

– А как ты думаешь, Эстер? Зачем было все то, что мы пережили? Война, похоронка, потеря дома, нищета?

– Мы не выбирали, Йеро.

– Потому что у нас и не было выбора. Тогда.

– Война закончилась, давай оставим ей то, что она забрала! Она уже это сделала, смирись. Почему ты не можешь жить, как все? Просто жить!

– Потому что я не могу забыть. Я как никогда близок, Эстер. Скоро все закончится.

– А если тебя поймают? Что мне делать тогда.

– Не поймают. Я все рассчитал. Верь мне.

14
Тако

Тако заказал бот-такси к дому Брабека. Не самое дешевое удовольствие, учитывая, что фуникулером они доехали бы быстрее. Но не тащить же этого проклятого джанки на виду у всех, так? Мало того, что он явно под кайфом, так еще и ни одного волоска на морде не осталось. Не дай бог попасться на глаза какому-нибудь дэбэшнику, или под объектив репортерской авиетки. Может, как реклама, скандал с наркотиками был и не плох, но Тако не дурак, сечешь? Тако понимает, что сильно подпортит себе репутацию, и, подняв большие деньги сейчас, убьет намного большие в будущем. Он же бизнесмен, приятель, а бизнесмен не может позволить себе жить одним днем. Сечешь? Это шоу-биз, приятель, и все вечеринки тут происходят только завтра. Просто такова уж натура человеческая, что лучшее – всегда остается во вчера. Так, нет?

Брабек вел себя на удивление тихо. Послушно оделся, выпил чашку черного кофе без сахара, поклялся, что не чувствует позывов к рвоте. Но в то же время Тако видел, что скульптор где-то очень далеко. У него были такие глаза, чувак, как будто он смотрит сквозь окно, о котором ты даже не подозреваешь. Жутко, да?

Всю дорогу до студии Брабек молчал, глядя в окно, и лишь однажды подал голос, попросив бота сделать громче музыку. Играла новая вещь «Кислого шаффла», переполненная синкопами и заимствованиями.

У студии привычно кружили несколько репортерских квадрокоптеров, и Тако заставил Брабека натянуть капюшон анорака и темные очки. Это вызовет вопросы, но Тако найдет способ не отвечать на них. Иногда отсутствие информации приносит больше денег, чем ее наличие. Поверь, это так.

У грузового конвейера уже работали боты, выгружая блоки прессованного мусора, листы пластика, какие-то зеленые панельки, в которых Тако не без труда узнал очищенные печатные плата компьютеров доконсольного периода и новые лазерные резаки. Все это Брабек заказал, лежа голым на кафельном полу, пока Тако держал консоль с выключенным видеопередатчиком у его уха.

Им повезло, и парковочное место нашлось у самого входа в студию. Тако тщательно завернул в свою куртку сверток с волосами Брабека, и приказал, понизив голос:

– Выходишь, и сразу спускаешься в студию. Не задерживаешься, не оглядываешься, не выкидываешь фокусов. Слышишь, Брабек?

– Да-да, я слышу, – ответил Брабек и посмотрел на Тако с такой грустной улыбкой, что того пробрал озноб. Из глаз скульптора сочилась такая предопределенность, как будто он вместе с нанометамфетаминами пропитался будущим. Или его отсутствием.

– Тогда пошли, – сказал Тако, и попытался улыбнуться в ответ.

15
Игги

Мэри жила в районе под названием Арандисман. Сразу за огромной шайбой грузового парома, который на самом деле был просто мегалифтом, таскающим грузовые автоботы с уровня на уровень.

Игги вышел за час до назначенного времени, и все-таки опоздал. Длинный многосуставчатый уродец-бот «Мусима-моторз», тащивший в кузове какие-то блоки для Барабана ассемблера, потерял управление и снес одну из вспомогательных колонн фуникулерной линии. На пластике кузова постепенно проступало граффити «Осколков войны», террористической группировки хакеров. Судя по всему, они взломали электронный мозг грузовика и попытались завалить фуникулерную линию. Вот ублюдки. Игги попытался вспомнить, в чем состоит суть требований «Осколков», но так и не смог. Да и черт с ними.

Когда линию восстановили (на это ушло около двадцати минут), Игги остался стоять на месте, хорошо себе представляя, какая давка сейчас будет на платформе. Он закурил, и стал думать о том, что, по сути, фуникулер выполняет для людей ту же функцию, какую грузовой паром – для грузовиков: перевозит их с уровня на уровень. Игги даже откуда-то знал, что и у парома и у фуникулера один и тот же принцип работы. Так почему же тогда один называется фуникулером, а второй – паромом? Не то, что бы это сильно волновало Игги, но, правда, почему? Почему не пассажирский паром, или грузовой фуникулер? Непонятно. Конечно, слова ничего не меняют, и все же…

– Я уже собиралась тебе перезванивать, – воскликнула Мэри, открывая дверь. Напарница чмокнула его в щеку и сунула в руку открытую банку пива.

В маленькой – меньше, чем у Игги, – квартире собралось человек пятнадцать знакомых Мэри. В основном парни и девчонки из «Гуми», той его части, которая называется «Берлинерз». Кое-кого Игги знал по предыдущим вечеринкам.

– Э, брата Игги, камон! – закричал сидящий на спинке дивана Бигсби, тощий, красноглазый, с огромными дредами, затянутыми во что-то вроде рыболовной сети.

– Привет, люди, – Игги неопределенно отсалютовал банкой.

– Камон, брата, давай сюда. А вы все заткнитесь ради долбанного Джа! – Бигсби был уже порядком на волне, белки его глаз пульсировали, а рука с банкой ходила ходуном.

Игги протиснулся к дивану и уселся на подлокотник. Откуда-то вынырнула Мэри, и встала рядом, положив руку ему на плечо. Игги почувствовал, как его кидает в жар, и сделал большой глоток пива.

– Нет-нет-нет. Игги, брата! Сначала тост. – Бигсби попытался встать, но на мягком диване это и трезвому непросто сделать, так что он рухнул обратно на спинку, изрядно облившись пивом. – Слушайте все! Сегодня – великий день! Сегодня исполнилось ровно хрен знает сколько лет с тех пор, как лысый португалец открыл придумал двигатель разделения, отчего летать по космосу стало просто, как сходить по-маленькому. А если бы не он, мы бы и сейчас сидели на материнской планете, задыхались от угарных газов, подыхали от всяких онкологических ебаторий, и дальше солнечной системы никуда бы не совались. Потому надо выпить за этого лысого засранца, имени которого я не помню, и я сделаю это с моим братой Игги.

Игги чекнулся с Бигсби, собравшиеся поддержали тост одобрительными возгласами и шипением открывающихся банок.

– Я и забыл, что сегодня 20 августа, – сказал Игги Мэри.

– С этими забудешь, пожалуй, – усмехнулась Мэри, кивая на Бигсби. Того видимо накрыло очередным приходом, зрачки почти полностью скрыли белки глаз, щеки порозовели, по лицу ползла идиотская улыбка.

– Пойдем на балкон, напарник. Внутри я запретила курить.

Она взяла Игги за руку и потащила сквозь толпу. Кто-то снял со стены гитару, – настоящую, деревянную, Мэри очень ей гордилась, – и принялся наигрывать в слабую долю. Надтреснутый женский голос запел «No woman, No cry», тут же подхватили несколько других голосов. Игги эта песня очень нравилась. И еще про то, как один парень застрелил шерифа.

На балконе стояла скамья, украденная, видимо, в городском парке. Кто-то разрисовал ее в красно-желто-зеленые полоски. Рядом со скамейкой стоял сломанный утилизатор, до верха набитый пустыми пивными банками.

– Как настроение, напарник? – спросила Мэри, вытягивая из кармана пачку «Голуаз».

– Нормально. Правда… эти засранцы из «Осколков» чуть не завалили фуникулеры рядом с моим домом. Представляешь? Я потому и опоздал.

– Вот ублюдки, – Мэри покачала головой. – И что людям не живется спокойно.

– Рано или поздно их поймают. Я подписан на консольную рассылку. Вроде как выяснили, что они когда-то были частью банды Авенидос, но потом откололись.

– Латиносы? А им-то это зачем?

– Не знаю. Сам гадаю…

Мэри пожала плечами. Игги откинулся на скамейке, закурил. Атмосферные отражатели работали на полную катушку, и Барабан был не виден. Окна плавились натуральным золотом, и такие же золотые волосы Мэри взлетали и опадали под рукой заблудившегося ветра. Игги когда-то разговаривал с Шоколадным Джимми, барахольщиком, иногда появлявшимся на рынке. Джимми работал архитектором. Он рассказал Игги, что самым сложным при строительстве высотных зданий на Иводзиме является расчет аэродинамических условий. Однажды была допущена серьезная ошибка в расчетах, и новый дом пришлось разбирать сразу после постройки, потому что он создавал какую-то совсем уж дикую турбуленцию, и его верхние этажи так и ходили ходуном. Джимми, конечно, не совсем так рассказывал, но Игги именно так все запомнилось. Игги подумал, что это было бы не самой плохой темой для разговора, и что возможно, он сможет показаться Мэри с новой стороны. Не просто тупоголовым охранником, к которому она привыкла. И тогда, чем черт не шутит, может быть, она увидит в нем не только напарника по работе. Но пока Игги думал об этом, на балкон вывалилась троица друзей Мэри. Одного из них – лысого крепыша по прозвищу Трехногий, – Игги помнил, остальных увидел сегодня впервые.

– Но где мне достать их блок памяти, ума не приложу, – сказал, продолжая начатый в квартире разговор, высокий парень в ярко-зеленом анораке и с афрокосичками на голове. – Не спускаться же к Дезертирам. Типа, привет, ничего если я поюзаю ваши запчасти?

Игги заинтересованно прислушался.

– Это же смешно. Я ломаю на раз новые системы Гибсонов, а древнюю развалюху даже тронуть боюсь.

– И правильно боишься, Куст, – ответил низким голосом Трехногий. – Нарвешься на боевой вирус, и проснешься идиотом с выжженными мозгами.

– Я не думаю, что на нем есть боевой софт, – покачал головой тот, кого назвали Кустом. – Меня больше пугает их система самоуничтожения. Разнесет мне полквартиры. А я даже не могу просветить его, мало ли на что он реагирует.

– А чем тебе поможет блок памяти? – спросила короткостриженая девушка в юбке и жилете из желтого полинейлона.

– Муравей сказал, что подгонит мне специальную софтину, но подгрузить ее можно только с аналогового блока памяти.

– Муравью можно верить, – кивнул Трехглазый. – Но где найти блок памяти я не представляю.

– На рынке, – неожиданно влез в разговор Игги. – К нам иногда приносят мертвых Дезертиров.

– Точно, – подтвердила Мэри. – Буквально вчера одного приволокли.

Троица молча уставилась на Игги и Мэри. Прошла долгая секунда неприятной тишины. Потом Трехногий покачал головой и сказал:

– Не, не пойдет. Барахольщики заломят мегацену, это же стопроцентно коллекционный товар. А нам нет смыла впиливать такой кеш, учитывая, что блок нам нужен всего для одной операции: закинуть софт Муравья на эту древнюю развалюху.

– А если одолжить под залог? – неуверенно спросила девушка.

– Не дадут. – Мэри махнула рукой, и пепел рассыпался по ее коленям. – Эти парни, когда дело касается их товара, вообще перестают быть людьми. Роботы. Как эти ваши Дезертиры.

– Дезертиры не роботы, – возмущенно возразил Куст. – При тотальной модернизации организма, их мозг почти не был затронут.

Мэри снова махнула рукой.

– Без разницы. Либо вы покупаете у них товар, либо нет. Все, других опций там не предусмотренно.

Игги следил за спором, то и дело прикладываясь к банке. Какая-то мысль формировалась на задворках его неторопливого сознания. Трехногий вяло ругался с Кустом по поводу того, какую цену могут заломить барахольщики. Мэри прикурила вторую сигарету, ей явно было скучно. Игги допил пиво и наклонился к урне. В сантиметре от груды пустых банок его рука замерла, а формировавшаяся мысль обрела наконец четкость.

– А как выглядит этот ваш блок? – спросил Игги, перебив Трехногого на полуслове.

– Ну… такой цилиндр, сантиметров семь-восемь в длину, с разъемом под USBM.

– А… – Игги неуверенно посмотрел на Мэри, потом снова на Трехногого. – Тут, короче… У меня есть похожая штука.

16
Шанти

Она водила Чилаго весь день, но за исключением того разговора с девушкой по имени Эстер, по делу ничего не всплыло. Латинос работал, отдавал указания своим подчиненным, лично обходил все объекты. Он вел себя, как образцовый трудяга. Может даже идеальный. Шанти несколько раз сверялась с консольной схемой, и складывающаяся обстановка нравилась ей все меньше. Все объекты, которые посещал Чилаго, так или иначе были связаны с очисткой технической воды, задействованной в работе Барабана.

Проведя почти весь этот день на ногах, да еще с сенсором на увеличенной чувствительности в голове, Шанти так устала, что еле заставила себя заехать переодеться в гостиницу. Вайлис уже сменился, в номере дежурил парнишка, имени которого Шанти не помнила, но все звали его просто Каспер.

– Привет Шанти, – кивнул Каспер. – Тут тебя обыскался Давид.

– Какой Давид? – Шанти сделала вид, что пытается вспомнить.

– Ну, этот лощенный французишка из отдела убийств.

– Ах этот. – Шанти переадресовала на оператора всю входящую информацию со своей консоли перед тем, как отправиться в Департамент очистных сооружения. У Давида должно было хватить ума догадаться об этом. Значит, он выяснил что-то серьезное. Шанти скинула ботинки и забралась с ногами на диван. – Что хотел, не сказал?

– Нет, но звонил раз пять. Давай-ка я тебе кофе сделаю. Выглядишь, как привидение.

– Каспер, ты ангел-спаситель.

Пока готовился кофе, Шанти послала Давиду текстовое сообщение: «Я у дежурных». Через полминуты пришел ответ: «Останешься одна, позвони».

Она переоделась и вернулась в комнату. Парящая кружка ждала ее на журнальном столике. Интересно, мелькнула ленивая мысль, физические журналы давно вымерли, а журнальные столики все еще в ходу.

– Каспер, есть работа, – сказала Шанти, отпила кофе и тут же закатила глаза. – Ммм, дружище, это лучший кофе с тех пор, как я покинула Термен Вокс.

– Я покупаю цельные зерна и мелю их вручную. Иногда

анахронизмы не такая уж плохая штука. Так что ты хотела?

– Справку по карьерному росту Иеронима Хайека, кличка Чилаго. Прежде всего, как он оказался на том месте, где работает сейчас. Подавал ли рапорты, или его перевели в обычном порядке? Почему именно его, были ли другие претенденты? Если да, что с ними сейчас?

– ОК. Сделаем. Мне понадобится около тридцати минут. Подождешь, или переслать на консоль?

– Перешли. Кофе прекрасный, но мне нужно что-то поесть, иначе ДБ потеряет чертовски симпатичного оперативника. Если возникнет что-то экстренное, я «Под Барабаном», оттуда поеду домой.

– ОК.

Пересекая площадь Сахарова, Шанти набрала Давида.

– Что случилось?

– Кое-что по твоему приятелю, любовь моя. Знакомые из внутренней разведки поделились забавной информацией.

– Не тяни, Давид. Я очень устала.

– Понял. В общем, набор такой. Во время гражданского конфликта на Тито, он числился в отряде «Аламо».

– Что за конфликт?

– если кратко, наркобароны начали доставать местное население, те организовали отряды самообороны, ну и началось.

– А «Аламо»?

– Вот тут интересно. В этот отряд входили только бывшие военные. И за время конфликта они настолько серьезно натаскались, что их побаивались даже спецназовцы.

– Вот радость-то.

– Я еще даже не начал шутить, принцесса. Этот твой Чилаго специализировался на уничтожении стратегических объектов городских инфраструктур в районах, контролируемых синдикатами. Вот теперь можешь смеяться.

– Теперь я могу звонить босу и выписывать ордер.

– Вот тут сложности, – вздохнул Давид. – Все эти сведения Чилаго предоставил в добровольном порядке, когда заполнял анкету на поселение на Иводзиме. Официально, анкетные данные – закрытая информация, так что ты не сможешь ими воспользоваться. К тому же, военное прошлое не является поводом для возбуждения дела.

– А по совокупности?

– Не получится. Мы не знаем, что именно намерен купить Чилаго, и главное, не знаем, зачем. За исключением того разговора с барыгой, у нас ничего нет. Фактически, для регистратуры Чилаго – законопослушный гражданин.

– Черт. И что мне делать?

– Пока не знаю. Поезжай домой, выспись. Что-нибудь придумаем.

17
Брабек и Тако

Брабек работает как заведенный. Как Машина, с мозгами, под завязку налитыми цифровыми алгоритмами, которые начисто выдавили все человеческое. Глаза за фиберглассовыми очками сощурены, движения скупые и точные. Ноги выполняют странные танцующие па, каждое из которых функционально предопределено. И все же это именно творчество, творение, потому что результаты по настоящему проявляются, становятся очевидными только на самой грани логики. Художник всегда бежит по лезвию, и всегда под дождем. Тьюринг может подавиться, потому что творение по сути своей неестественно, это чувственное и интеллектуальное извращение, перверсия, в процессе которой художник обязан заходить за рамки дозволенного, общепринятого, привычного глазу. Иначе все это теряет смысл. Иначе зритель не получит своей дозы эндорфинов, и пройдет мимо.

Тако следит за Брабеком из стеклянной кабинки под потолком. Следит, не отрываясь, и это не очень хорошо, потому что, – Брабек чувствует это внезапно вспотевшими ладонями и спиной, мгновенно покрывшейся мурашками, – подходит время очередной дозы. Тако может решить, что Брабеку достаточно, но что он может понимать? Наноамфетамины давно стали такой же неотъемлемой частью скульптора, как руки, кровь, легкие, печень и вдохновение. Выплывая из пространства кайфа, Брабек переставал быть собой, и превращался в биологический конструкт с единственной функцией – поиск наркотиков. Или как называл это Тако, «вырубка».

Тако славный, Тако хороший, но он не в теме. Он умеет чувствовать, рефлекторно, какими-то случайно не атрофировавшимися нервными сенсорами, прошедшими сквозь детство в гетто («Японский мальчик в черном гетто, Брабек, ни одной рифмы со словом счастье, так?»), сквозь нищету, миграцию с одной планеты на другую, сквозь все эти вечеринки вчерашнего дня. Он удивительный субъект в этом своем умении чувствовать. Но Тако не способен создавать, и потому он не в теме. Он только наблюдатель.

А руки тем временем исправно управляют двумя большими лазерными резаками, обтачивая грани блоков из прессованного мусора, любимого материала Брабека. Он прерывается, чтобы выдавить из баллона кляксу полиэпоксидного клея. Совмещает

два обточенных блока. Внутри каждого из них выжжена полость, которая теперь хранит волосы Брабека. Скульптор оборачивается к новому блоку, когда слышит сигнал ручной консоли Тако.

– Секунду, – говорит Тако, и идет к двери.

Самое время. Брабек выуживает из кармана трод и прижимает его к телу. Легкий, почти приятный укол там, где нано-механизмы проникают сквозь поры кожи в организм скульптора. Отлично… Лазерные резаки взлетают и начинают обрабатывать новый блок. Отлично. Мусорная стружка мягко опадает на пол. Отлично. Брабек берет баллон и начинает обклеивать полость блока изнутри очищенными печатными платами. Все должно быть по настоящему, точно так, как он увидел, лежа на кафельном полу ванны. Это его последняя скульптура, он не может ошибиться. И потому: отлично, отлично, отлично…

18
Игги

На платформе было не протолкнуться, час пик, вся Иводзима, работающая стандартную шестичасовую смену, устремилась с работы домой. Игги чувствовал себя очень не уютно. Ему давно не приходилось бывать на фуникулерных станциях в моменты такого скопления народа. Охранники на рынке работали по двенадцать часов. Порой приходилось задерживаться, случалось, что удавалось уйти раньше. Но как-то эти моменты не совпадали с часами пик.

Между мощных лап бетонных отражателей висела яркая голограмма с логотипом газеты «Иводзима-Калт». Игги понятия не имел, что это такое. Его интересовал ряд цифр, горящих в верхнем левом углу голограммы: дата, время, точный интервал между отправлениями вагонов фуникулера. 20 августа, 06:55 PM, 00:03:30.

– Муравей в пути, – сказал Куст, накрывая ручную консоль рукавом. – Будет на Вест-Пойнте примерно через полчаса.

– Мы будем дольше добираться, – ответила за Игги Мэри.

– Ничего, он подождет.

Голограмма дрогнула и логотип «Иводзима-Калт» сменился объявлением: «Отойдите от края платформы». Вся толпа, словно специально настроенная действовать вопреки указаниям подалась вперед. Из бетонного кольца показалось обтекаемая морда вагона, с покрытием из пластика неприличного телесного цвета. Эти вагоны появились около месяца назад и мгновенно были прозваны «фунидилдо». Толпа подхватило Игги и потащила к вагону. Мэри вцепилась в его руку.

– Не вздумай меня потерять, напарник. Эта толпа действует мне на нервы.

Впереди мелькнули афрокосички Куста и желтая безрукавка короткостриженной девчонки.

– Как ее зовут? – спросил Игги, когда человеческий пресс утрамбовал их в вагон.

– Кого? – не поняла Мэри, все еще сжимавшая его руку.

– Девчонку Куста.

– Вообще-то она не его девчонка, – Мэри как-то странно посмотрела на Игги. – А что, понравилась?

– Да нет… Ну, то есть, она нормальная, но я таких… ну не очень.

– А каких ты очень?

– Ну… Я в смысле, мы же ко мне едем, а я и имени ее не знаю.

– Маска.

– Что?

– Все ее называют Маска. А настоящего имени я не знаю. Хочешь, спрошу.

– Не надо. Маска так Маска.

Над головами пассажиров вспыхнул экран, несколько раз мигнул, а потом на нем сформировалось смоделированная мультяшная голова Дока-Умника. Мэри однажды рассказала Игги, что это не совсем голограмма, скорее уж граффити. Специально запрограммированные наночастицы разбрызгивают по вагону. В определенный момент они собираются на потолке, выдают заложенную в них информацию, после чего снова расползаются. Бороться с ними очень сложно. Во-первых, пойди, поймай их, а во вторых, каждая наночастица по отдельности не несет совокупной информации и легко маскируется под молекулы пластиковых панелей.

– Доброе утро, – воскликнул Доктор Умник. Игги подумал, что либо в механизме этого гало что-то слетело с катушек, либо тот, кто их программировал, не продумал приветствие. В разгар вечернего часа пик странно слышать такие слова. А потом Игги подумалось, что если это все таки сбой, то где гарантия, что эти нано-частицы не примут тебя за носителя и не поселятся на тебе. Ходи потом, светись.

– В рамках месяца просвещения, – вещал между тем Доктор Умник, – я расскажу вам о некоторых визуальных корнях черной культуры. Начнем с этого странного внешнего вида, прошедшего сквозь века технического прогресса и космическую экспансию. Приспущенные штаны и бейсболка козырьком назад. Те, кто считает, что тем самым молодые люди пытаются действовать на нервы окружающим и всячески эпатировать благовоспитанную публику – безусловно, прав. Однако здесь имеются и исторические предпосылки. О которых большинство людей, предпочитающих внешние элементы черной культуры, не знают. Предпосылки эти созданы системой, и тем, что черная культура плотно замешана на элементах тюремного быта. Итак, начнем с бейсболки. Тут все просто, леди и джентльмены. Наденьте бейсболку и попытайтесь выглянуть из зарешеченного окна. Козырек будет вам мешать, но стоит повернуть бейсболку козырьком назад, и вуаля – никаких проблем, любуйтесь недоступными пейзажами свободы сколько влезет.

На голове Доктора умника появилась темно-синяя джинсовая бейсболка.

– С брюками еще проще. В тюрьмах у арестантов отбирали брючные ремни, вот штаны и болтались, как придется.

Из брюк мультяшного лектора с щелчком исчез ремень, и штаны устремились в область колен.

– Вот незадача, – усмехнулся Доктор Умник. – Однако давайте копнем еще глубжеууууэ…

Гало пошло волнами, звук поплыл. Через секунду экран нано-граффити погас, и вместо него появилась надпись: «Администрация Департамента путей и сообщений приносит извинения за временные неудобства».

– И все-таки иногда их умудряются отлавливать, – пробормотала Мэри.

– А мне всегда интересно то, что Док рассказывает, – признался Игги.

– Всем интересно, – кивнула Мэри, – но это незаконно. Криминал-арт, Игги. К тому же, парни, которые делают Дока, в свое время плотно общались с ублюдками, которые теперь называются «Осколками войны».

– С террористами? Не может быть!

– Может, напарник. Просто их дорожки разошлись. Одни решили добиваться своего при помощи страха, другие – при помощи просвещения. А самое большое дерьмо в том, что у этих двух фишек общие корни.

Игги молчал, пытаясь освоиться с только что полученной информацией. Фуникулер скользил в бетонном тоннеле сквозь заселенные уровни планеты. Пассажиры, только что внимательно следившие за лекцией Доктора Умника, мгновенно его забыли. Большинство ехало, уставившись на свои ручные консоли, остальные равнодушно смотрели в пространство. Надпись с извинениями беззвучно растаяла, оставив над головой пассажиров только пластик неприлично-телесного цвета.

– Я не понимаю, – сдался, в конце концов, Игги. – Меня учили, что… ну как бы… – тут Игги вспомнил раз и навсегда зазубренную фразу из учебника истории, – что чем общество просвещеннее, тем дальше оно от самой идеи насилия.

– Перестань пугать меня, – отшутилась Мэри, – в твоем исполнении эти зауми хуже самого дерьмового мата.

– Нас заставили выучить эту фразу, – сконфуженно объяснил Игги. – В школе. Но это же правда.

– Правда, – кивнула Мэри, – если воспринимать просвещение, как стадию становления человека. Но обычно его воспринимают, как инструмент. Ты подумай, кто обычно развивает все это террористическое дерьмо? Умные ребята, интеллигенция. Вот в истории моей страны были такие парни, и кое-кто из них

считал, что изменить мир, можно только взрывая бомбы. Их так и звали – бомбистами. Та боевая организация состояла из чертовски просвещенных людей, Игги. Большинству мы с тобой и в подметки не годимся. А все эти минеры-студенты, бывшие типпи с Бета-Массачусетса во времена Кшешинского? Не, Игги, идея с просвещением клевая, только почему-то не работает ни хрена.

Игги подумал, что выскажи он что-нибудь подобное, то выглядел бы идиотом, который залез пальцами в чужую тарелку. А у Мэри это все получалось как-то очень запросто и до обидного стройно.

Остаток пути до станции Вест-Поинт они ехали молча.

19
Тако

Слушай, я тебе врать не буду. Китайцы умеют делать жратву. Серьезно, может быть, это единственное, что они умеют делать качественно, сечешь?

Тако сидел, обложившись пластиковыми боксами с фаст-фудом, и вовсю орудовал палочками, поглядывая, как Брабек возится в студии. Скульптор от еды отказался. Сказал, что пока сыт вот этим, и показал троды пришпиленные к коже. Наноамфетамины. Когда успел, а?

Рисовая лапша с этими вот грибами, это я тебе скажу, приятель, очень. За это можно родину продать. Следишь за мыслью? Шутка такая. У Тако нет родины. Родился там, вырос сям, назвали в честь чувака, который пел всю эту старую ерунду, типа рок-н-ролл. Неплохо пел, девкам нравилось. Потом гетто, да? На планете Суари. По-французски – вечер. В гетто Тако не смог прижиться. Да если уж говорить как есть, Иводзима первое место, где он прижился по-настоящему. А Брабек – стал первым настоящим делом Такеши Тераучи. Потом пришла идея типографии, и крутятся в голове уже новые идеи. Но началось все именно с Брабека.

И вот теперь, сидя в кабинке из дешевого пластика, поедая китайскую лапшу, Тако очень четко почувствовал, что этот этап его жизни подходит к концу. Понял он это еще раньше, там, в гостиничном номере, глядя, как голый, абсолютно безволосый Брабек надиктовывал на его ручную консоль список необходимых покупок. Но почувствовал только теперь. Палочки зависли в воздухе, аппетит улетучился, чего с Тако не случалось очень и очень давно. Жизнь научила желтолицего парнишку из черного гетто есть тогда, когда подворачивается возможность. Так? А тут он прямо сам себя не узнавал, понимаешь, о чем я говорю? Как будто сломалось что-то внутри, и царапало сердце.

Брабек говорил, что у Тако есть странное чутье на произведения искусства. Он и правда всегда мог с одного взгляда уловить такую, знаешь, вроде как вибрацию. Клево или не клево, сечешь? Тако нигде этому не учился, не думай, он не прокачивал этот свой талант. Да и где? Разглядывая граффити в гетто? Эта штука просто была в нем, сидела в башке, приятель. Может с рождения, а может, потом появилась, тут я твердо не скажу. Но Тако еще ни разу не ошибся, без разницы, имел ли он дело со странными скульптурами Брабека, или, как месяц

назад получилось с этими парнями и их гало шоу. Тако смотрел и понимал, это клево и он сможет это продать. Или наоборот – не клево. И тогда, аста ла виста, понимаешь?

И вот теперь он смотрел сквозь немытый пластик кабинки, и знал: то, что делает Брабек, это клево, это продастся. Но. То же самое чутье говорило ему, что больше Брабек ничего не создаст. Никогда. Все. Дэд полис лайн, дружище, без вариантов. Зед дэд, бэби, Зед дед.

Тако отложил палочки и откинулся в кресле. Не нравилось ему все это дерьмо, понимаешь? Совсем не нравилось.

20
Шанти

Была половина первого ночи, когда Шанти выключила экран домашней консоли. Два человека ушли по укутанному дождливой темнотой взлетному полю аэродрома.

– Это может оказаться началом не плохой дружбы, – прошептала Шанти, притрагиваясь к сенсорной панели консоли.

В темной квартире еще парил какое-то время застывший в стоп-кадре призрак Фрэнка Боггарта, но потом растаял и он. Тихо шептали системы эко-контроля, да ритмично бубнило сердце, перегоняя кровь по внешне такому хрупкому телу безопасницы, – вот и все звуки. Бетон стен, прошитый тончайшей сеткой полиуглерода, глушил любой аудио-сигнал, идущий снаружи.

Шанти закрыла глаза, но сон испарился с последними отблесками призрака. Тело ныло от усталости, но – и она это знала – уснуть сейчас не выйдет. Шанти включила свет и подняла подушки так, чтоб на кровати можно было сидеть.

Она подняла чувствительность сенсора, но не сильно, и прислушалась. Сейчас ей не хватало жизни, не хватало людей рядом. Или хотя бы человека, того же Давида. В соседней квартире кто-то бубнил, наверное по консоли. Парой этажей выше парочка занималась проформенным семейным сексом, довольно скучным, но даже им Шанти завидовала, а сосед снизу смотрел какую-то образовательную программу о синих китах. Безопасница скинула чувствительность сенсора и уставилась перед собой.

Проклятый Чилаго. Чертовски не хотелось верить в то, что он задумал применить навыки, полученные в «Аламо» здесь и теперь. Она вспомнила разговор за стеной лаборатории. Два голоса, мужской и женский, а между ними то, о чем Шанти мечтала, но чего у нее никогда не было. Потому что, как ни крути, а Давид не в счет, он хороший друг, и секс между ними – лишь опция. Однажды один из них эту опцию отключит, и по большому счету, ничего не изменится. А тот разговор… То, что она слышала, не отключается, вообще не выражается в консольной терминологии. Это что-то древнее и предопределяющее, неделимая связь желания обладать, защитить, дышать одним воздухом и чего-то еще, невыразимого в словах. А у них с Давидом был только секс.

Однако Шанти была профессионалом, она понимала, что в ее работе не существовало операнд типа симпатии. В то время как

схожая по неопределенности мыслеформа – подозрение – являлось неотъемлемой составляющей ее профессии.

Глубоко вздохнув, и исследовав себя на предмет какого-нибудь намека на сон, Шанти активировала ручную консоль и перевела ее на голосовую регистрацию.

– Департамент службы безопасности, банк данных.

– Поднесите сенсор консоли к правому глазу, – ответил безжизненный голос программного конструкта ДБ.

Шанти послушно выполнила требование, позволив сенсору консоли просканировать сетчатку глаза.

– Доступ подтвержден.

– Военный конфликт, планета Тито, подразделение «Аламо», – продиктовала запрос Шанти.

Конструкт молчал секунды три. Шанти нахмурилась. Такого на ее памяти не случалась, оперативная система передачи данных ДБ была едва ли не самой мощной на Иводзиме. Соперничать с ней могла разве что внутренняя система Департамента Здравоохранения.

– Закрытая информация, в доступе отказано, – разродился конструкт.

Шанти недоумевающе смотрела на консоль, не зная, стоит ли верить собственным ушам.

– Причина отказа.

– Недостаточный уровень допуска.

Шанти сощурила глаза, сформулировала новый вопрос и продиктовала:

– Информационная область отказа.

– Закрытая информация, в доступе отказано.

Шанти откинулась на подушках. Ее мышцы требовали пощады, но голова была чиста. Закрытая информация, что это вообще может значить в контексте ее расследования. И почему Давиду удалось получить эту информацию, а ей в допуске отказали? Интересно, он уже спит? Шанти потянулась к консоли, но набирать номер Давида не стала. Если он достал информацию неофициальными путями, этот звонок мог его подставить. Формулировка «закрытая информация» может подразумевать, что любой запрос по ней будет отслеживаться.

– Ладно, – вздохнула Шанти, и вспомнила слова одного русского с ее курса. – Утро мудрее, чем вечер.

Русский тогда сказал как-то по другому, но столько времени прошло. Одуряющая волна сна накатила внезапно. У него был рак пищевода, вспомнила засыпая Шанти, у этого русского. И по этому он всегда смеялся произнося эту поговорку. Вспомнила, как она произносится…

21
Игги

– Ну и бардак у тебя, напарник, – усмехнулась Мэри, разглядывая кучу носков и трусов, вперемежку сваленных в углу студии около стиральной Машинки.

Игги покраснел.

– Ко мне редко приходят.

– Не парься. Просто засиделся ты Игги в одиночках, вот что я думаю.

Игги пожал плечами и пошел на кухню ставить кофе. Что он мог ответить Мэри? Что единственная женщина, которую он хотел бы впустить в свою квартиру, стояла сейчас над кучей его грязного белья? А может, и стоило так ответить, вот только когда он так решил, кофейный бот уже разливал кофе в стаканы. Так всегда было. Что-то там не правильно действовало у Игги в мозгах, от чего мысли двигались очень медленно.

– Ахренеть! Клянусь чернобыльским реактором, это он!

Куст рассматривал цилиндр Дезертира, выуженный из разобранных внутренностей видеоблока. А я-то думал, что хорошо его спрятал, покачал головой Игги.

– Это точно он, – важно кивнул Трехрогий, и, повернувшись к Игги, спросил:

– Как тебе удалось его достать.

– Нашел, – честно ответил Игги.

– Нашел? Нашел?! – взвился Куст.

– Я же говорил, Дезертиры приносят нам на рынок своих мертвецов. И оставляют. Потом барыги их потрошат. А эта штука, наверное, укатилась под стол. Я вечером обходил рынок, ну и…

– Брата Игга, – пробормотал, выныривая из наркотического оцепенения Бигсби, – это не просто часть Диза. Такие блоки памяти бывают у одного из сотни железных болванов. Сама по себе эта шняга стоит больше пяти кусков. Минимум четыре с половиной. А то, что на ней хранится, может стоить от нуля до бесконечности. Это если тебе придет в голову торговать информацией, брата. Но это опасно. Любая армейская информация, Игга, она как старая бомба. Никто не может знать, когда и по какой причине она сработает. Вкуриваешь?

Игги кивнул, но думал в этот момент о том, что целые сутки в его доме лежали деньги, примерно равные его годовому жалованью. Очень большие по меркам Игги деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.